

ПРОЛОГ

Чему мы должны учить молодежь и как она должна учиться (конечно, не только в школьном, но в более широком смысле — в смысле науки жизни), чтобы стать достойной строительницей коммунизма, — это и теперь главное в работе комсомола и в партийном руководстве этой работой.

Л. И. Брежнев.

Открытие XVIII съезда ВЛКСМ

Монотонный перестук колес, местами неожиданно сбивающийся с ритма, гипнотизировал сознание — «Усни, усни, усни...». Жесткая плоскость деревянной скамьи назойливо давила на крестец, но принятая поза дарила такой уют и покой, что менять ее никак не хотелось.

Борис поерзал, устраиваясь еще удобней, и, сонно помаргивая, огляделся вокруг. Полупустой вагон электрички, неутомимо несущей его домой, полуосвещенный рядом тусклых плафонов под потолком, мерно покачивался на некрутых поворотах. Темные окна возвращали внутрь неприглядную потертость вагонного бытия — ночь уже давно царствовала снаружи.

Легкий весенний морозец остался за железной шкурой эмпээсовского монстра, но внутри вагона электрическое тепло дарило приятное чувство комфорта.

Борис, наученный долгим опытом, выбрал место с электропечкой под сиденьем и теперь, довольный, радовался теплу. Что еще нужно после целого дня беготни на свежем, местами даже очень, воздухе? Покой, тепло и... малая толика старого доброго «Коктебеля», выпитого с друзьями после законченного сложного дела. Приятные коньячные волны мягко заполняли расслабленный разум.

Он мельком глянул на свое отражение в окне. А что? Вроде ничего себе... На него смотрел молодой мужчина в модной ондатровой ушанке. Серые глаза, светлые брови, тонкие усики над верхней губой — он знал, что нравится девчонкам. Тем более в этой роскошной летной куртке — мечте всех его сверстников.

Он самодовольно огляделся. Но немногочисленные пассажиры позднего маршрута были заняты собой. Тихо, наклонившись друг к другу, о чем-то разговаривали две замотанные в одежды до глаз пожилые женщины. Несколько мужчин дремали, синхронно и смешно качая головами на поворотах.

Борис прикрыл глаза, немного сполз по спинке и вернулся в наполненную перестуком колес дрему.

Лениво перебирая бестолковый поток мыслей, зацепился за одну. Встряхнул и внутренне

улыбнулся. Ленка... Бездонная глубина серых глаз заполнила влюбленную душу. Он представил, как она ждет его, как, поглядывая на часы, перебирает на коленях его старые рубашки. Тонкие, прозрачные пальцы нервно ласкают потрепанный ворот, а непослушная челка то и дело сползает на глаза. Тихий восторг заставил его задержать дыхание. Он до сих пор не верил, что в его простую жизнь пришел такой подарок, такое чудо — Ленка...

Поезд сильно потрянуло, и поток мыслей совершил неожиданный поворот — в голову пришло еще одно воспоминание...

— Боря, ты пойми — чтобы управлять людьми, просто должности недостаточно. — Николаич долил в граненый стакан кипятка и с кряхтением сел на потрепанное кресло, которое придушенно пискнуло под его весом. — Авторитета словами не добьешься...

Он поднял палец и внимательно посмотрел на съездившегося Бориса. Тесная прорабская насквозь пропахла запахами стройки: бетон, дерево, пыль. От сухого воздуха, нагретого раскаленной спиралью обогревателя, першило в горле.

— Вот ты думаешь, я тебя сейчас распекать буду, что не успели блок к бетону подготовить? — Начальник участка заглянул Борису в глаза. — Нет, брат, это ты сам себе наказание распишешь. А я бы хотел услышать — кто виноват, по твоему мнению?

— Да все виноваты, — после томительной паузы буркнул Борис.

— Нет! — неожиданно грохнул по столу Николаич.

Он медленно вытер ладонью пролившуюся воду из стакана и уже спокойно продолжил:

— Нет, Боря. Ты виноват. Хотя ты только начинаешь свой путь, но должен запомнить раз и навсегда: ты — руководитель. И неважно, что твоя должность пока — мастер участка. Твоя смена — это твоя зона ответственности, и спрашивать за нее будут только с тебя! Это как... — Он пощелкал пальцами и неожиданно спросил: — Ты же в погранвойсках служил?

Борис вздрогнул:

— Да...

— Вот, — не дожидаясь ответа, продолжил Николаич, — ты уходишь с группой в наряд, и никто не контролирует ни тебя, ни твою группу. Вы самостоятельно решаете поставленную задачу, но за всех отвечает командир группы, так?

— Так, — уже понимая, куда клонит хитрый начальник участка, ответил Борис.

— Ну вот, Боря, и здесь так же. Ошибаются все, но отвечает кто-то один. Ты за своих рабочих, я — за тебя, а за меня — главный инженер, за него — руководитель предприятия и так далее. Поэтому ответственность у нас такая большая...

— Но как я могу рабочих ускорить, Сергей Николаевич? — решил вставить свое слово Бо-

рис. — В армии все просто: есть приказ, и все, должен выполнять. А здесь... все такие разные...

Николаич откинулся на спинку, прищурил глаз.

— А вот тут, Боря, можно и нужно только своим авторитетом действовать. Который только вниманием к людям добывается. И знаниями, конечно, как в нашем деле без знаний... Но... не механизмы сами собой работают, не инструмент сам трудится — люди все своими руками делают, Борис, люди! Ты с одним поговори, другого похвали, а третьего отругай. Это твои люди, к каждому подход нужен. Я еще раз повторю: не должность делает человека руководителем, а его человечность... Понял?

Он обернулся и глянул на плохонькую фотографию в деревянной рамке, висящую на стене. Вечный Ильич мудро и терпеливо смотрел на Бориса.

— Ленин говорил: «О человеке судят не по тому, что он о себе говорит или думает, а по делам его», так-то, Борис... Делай прежде всего сам, и люди к тебе потянутся.

Вождь с фотографии одобряюще подмигнул. Борис тряхнул головой. Наваждение пропало.

Совершенно неожиданно добрая улыбка раскрасила морщинистое лицо много повывавшего Николаича.

— Давай — отдыхай! Следующая смена у тебя — ночная. — Он махнул рукой и шумно отхлебнул чай из стакана. — А мне еще арматуру заказывать.

Борис встал со скамейки, стоящей вдоль длинного стола, заваленного чертежами.

— Спасибо, Сергей Николаевич! — Он немного помялся. — А вы тоже в погранвойсках служили?

Николаич улыбнулся:

— Нет, брат. Моряк я... Черноморский флот... Каперанг, начальник БЧ-1. Линкор «Новороссийск», сынок, если ты слышал... — Он нахмурился, пожал плечами и непонятно закончил: — Который был...

— Братан, свободно?

Вежливый голос грубо вырвал Бориса из тягучего болота памяти. Он вздрогнул и открыл глаза. Над ним, внимательно заглядывая в лицо, навис молодой мужчина, примерно одного с ним возраста.

Вздохмаченный рыжий чуб огненным языком вырывался из-под серой заячьей ушанки, весело разукрашенные веснушками налитые румяные щеки. Синие полосы тельняшки морским бризом оведали крепкую шею незнакомца. Расставив ноги в светлых валенках, он твердо стоял между сиденьями, держа руки в карманах расстегнутого овчинного полушубка.

Борис оглянулся. Вокруг пустовало достаточно мест, но почему бы и нет? Он пожал плечами и неопределенно кивнул:

— Да...

— Во! Здорово! — бухнулся на скамейку незнакомец, заполняя окружающее пространство крепким перегарным амбре. — А то зырю, блин, одни бабки здесь... Митька.

Он мазнул взглядом по добротным кожаным «скороходам» Бориса и протянул руку. Борис нехотя вынул руку из кармана и, тихо сетуя на нарушенный покой, пожал горячую лапу парня. От энергичной тряски закружилась голова.

— Хожу, слышь, по вагонам, а побазарить не с кем! — не дожидаясь ответа, словоохотливо молол непрощеный попутчик. — Бухтят сограждане. А я, блин, со свадьбы еду, друга проводил в женатики, слышь, братан! А ты-то чо такой смурной?

Борис слегка отвернулся и поморщился. Жаль было потерянного спокойствия, но просто и безболезненно избавиться от этого громкого болтуна никакой возможности не было.

— Да так, с работы еду, — проямлил он, злясь на себя, — домой...

— Ха! — громко хлопнул себя по ляжке Митька. — Клево! Ты в город?

Борис внимательней пригляделся к нему. За прямо-таки кричащей простотой парня проглядывал какой-то подвох. Борис чувствовал это, но никак не мог сформулировать — сонное состояние и легкое опьянение ставили непреодолимый заслон критичному мышлению. От умственного напряжения отчаянно заболела голова.

Парень ожидающе и внимательно ждал ответа.

Борис расслабился — какого черта! Свой парень вроде бы...

— Ага...

— Неразговорчивый ты, однако. — Митька уселся поплотнее, быстро оглянулся и слегка наклонился к Борису: — А может, слышь, по глоточку, а? Догнаться. У меня есть... А одному, блин, стремно...

Он приоткрыл полу полушубка. Тускло блеснуло горлышко бутылки.

— Ваше завал, братан! Бухнуть охота, а не с кем... Со свадьбы ташу — одно старичье вокруг, давай, а? — Он с мольбой заглядывал Борису в глаза, одновременно суетливо выворачивая из внутреннего кармана бутылку. — Трубы горят, блин!

Наконец выдернул сосуд с мутной жидкостью, ловким движением выдернул бумажную пробку и воткнул горлышко себе в рот. Несколько раз булькнул, расслабленно откинулся на спинку, блаженно улыбнулся и протянул бутылку Борису:

— Атас...

Борис наконец вынырнул из неприятного ощущения. Пить не хотелось абсолютно, но это был хоть какой-то шанс избавиться от назойливого попутчика. После недолгого колебания взял бутылку, понюхал. Резкий запах самогона ударил в нос. Он поморщился, но поднес горлышко ко рту. Тотчас горькая жидкость заполнила рот. Чтобы не выплюнуть отвратительное пойло, пришлось проглотить. Как ни странно, второй глоток прошел гораздо легче. Борис с трудом выдохнул.

Митька громко засмеялся и вырвал бутылку из рук мгновенно ослабевшего Бориса. Тщательно

ВОРОВСКОЙ ИЗЛОМ

протер горлышко, запечатал его бумажной пробкой и затолкал в карман полушубка. Заглядывая в глаза, пробормотал:

— О, то — дело, братан! Щас пойдет как миленькая!

Борису резко подурнело. Он попытался встать, но крепкая рука опустилась на его плечо. Митька быстро огляделся и пугающе жестко произнес:

— Сиди, терпила...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В последний период партия и Центральный комитет сделали многое, чтобы развязать творческую инициативу наших людей, создать атмосферу уверенности, открыть простор для проявления каждым своих деловых, организаторских способностей. Можно было бы привести сотни примеров, когда в результате инициативы, принятия самостоятельных решений, нередко связанных с определенным, но оправданным риском, получают хорошие, эффективные результаты.

Л. И. Брежнев.

Выступление на Пленуме ЦК КПСС,

15 декабря 1969 г.

ГЛАВА 1

Видавший виды милицейский «уазик», завывая мотором на крутых подъемах, ворчливо рассказывал о своей нелегкой жизни. Желтые пятна фар выхватывали из темноты косматые лапы деревьев, со скрипом оставляющие свои отметки на потертом кузове ветерана.

Водитель машины, сержант Никоненко, такой же потрепанный, как и его автомобиль, крепко сжимал круг рулевого колеса, внимательно и серьезно вглядываясь в освещенное пространство, совершенно справедливо ожидая от него подвохов. Слабый отсвет панели приборов смешно освещал его рыжие усы.

Меркульев с отвращением покатал во рту горькую слюну, поглядел на зажатый в руке погасший бычок очередной «беломорины» и тяжело вздохнул.

В тесной кабине, под завязку забитой сотрудниками, стоял тяжелый запах табачного дыма, мужского пота и оружейного масла. На любую попытку открыть окна Никоненко реагировал коротким рыком — в его маленьком передвижном мирке любое действие с внутренними механиз-

мами приводило к неминуемой поломке. Автомобиль был настолько дряхлый, что иногда казалось, будто он передвигается только на волевых качествах сержанта.

Меркульев в очередной раз прокрутил в голове план операции. Мысли привычно легли в наезженную колею — этим он занимался все последние двадцать четыре часа. С момента получения разрешения прокурора до отправки оперативной группы.

Он поерзал на сиденье, еще раз провел рукой по холодной коже кобуры и прислушался к тихому говору в кабине. Тонкий ручеек разговора органично вплетался в хрипы и стоны мотора, создавая фон тряского движения экипажа в кромешной темноте окружающего пространства.

Густой лес пригородных просторов не был виден, но отчетливо угадывался давлением зеленой массы, окружающей дорогу.

— Мать его, баллон проткнешь на такой дороге, — тихо, в усы, матерился Никоненко, лихо-радочно выкручивая руль.

— ...Зинка принесла эти сапоги, грит: «Надо брать», а я ей: «На кой? Где деньги взять, зарплата-то через неделю», — делился своими бедами старлей Лункин, недавно женившийся и еще озадаченный новыми ощущениями.

— Дык бабам не докажешь, — тихо поддержал его многоопытный Рахманов.

Свиренко молчал. Впрочем, как и всегда, — вытянуть слово у неразговорчивого богатыря — та еще задача.

Вот и вся его команда. Предпензионер Николенко, старый служака, хотя и выбивающий еще призовые в тире управления. Молодой Лункин, мастер спорта по самбо. Рахманов, ничем, кроме мастерского владения шашкой, особо не выдающийся, гигант Свиренко и сам Меркульев.

Пятеро сотрудников, не считая Сашки Патрушева. Но он там — «свой среди чужих». Вот кому сейчас нелегко. Меркульев еще раз вздохнул. Он искренне уважал черноглазого живчика, любимца всей женской половины работников отдела. Уважал и беспокоился.

Несмотря на бойкий и веселый характер, Сашка оказался вдумчивым и разумным сотрудником — качества очень нужные в уголовном розыске. Майору стоило большого труда переманить его из патрульной службы.

Теперь он отдувается за всех, находясь внутри банды...

Меркульев вновь прокрутил свой план. Внедрение Сашки прошло на редкость гладко. Благо дружище Константин, сослуживец и просто товарищ по бурной молодости, недавно назначенный на должность главного участкового инспектора службы профилактики угро, ошутимо помог. Просто за обещанный шашлык-машлык...

Костя подсказал нужное место сбора разного сброда, постоянно присутствующего на задворках любого советского города. Пьяницы, тунеядцы и разное отребье, паразитирующее на нормальном трудовом обществе. Именно эти люди питали тот страшный коктейль преступного мира, в котором годами варился Меркульев.

Ему иногда было трудно и мучительно общаться с обычными людьми — взгляд и слух выхватывали малейшее проявление гнили. Он понимал и знал, что такое профессиональное выгорание, новомодная психология всем в помощь, но что с этим делать — он так и не научился. Ему было комфортно в своем, привычном круге. Работа и еще раз работа. Вся его семья — вот эти ребята, ежедневно вычищающие авгиевы конюшни здорового, как еще надеялся Меркульев, общества, несмотря ни на что стремящегося к светлому будущему. Именно так, «светлому» — только эта эфемерная вера во вложенные ему в голову ценности помогала майору безболезненно проходить через все препоны и соблазны стандартного бытового существования.

Он мимолетно задумался: а как его видят соратники? Суровый, рано постаревший холостяк, убивающий свою жизнь на работе? Давно уже ушли «зубры», которые учили Меркульева, — настоящие профессионалы, коммунисты, прошедшие ад войны. Для которых работа была превыше всего. Это они боролись с плесенью, покрывающей общество, и не видели для себя лучшей судьбы, чем

служить своему народу и советской власти. Теперь все не так. Измельчали люди...

«Уазик» сильно потрянуло на ухабе. Под рык Никоненко майор вернулся в действительность.

Бандитская группировка определилась быстро — участвовавшие грабежи на пригородных электричках не могли пройти мимо инспекторов. Все же там толковые ребята служили. Сашка, слегка обросший и полупьяный, отправился проверять свою легенду.

Молодец парень. Он сам придумал план, Меркульеву оставалось только слегка подкорректировать его и обеспечить прикрытие. В том числе и перед женой Патрушева — такой же бойкой бабенкой, с глазами-вишенками. Обещание премии сгладило ей и маленькой дочурке ожидание «загулявшего» супруга.

Долгая «работа» Сашки наконец принесла свои плоды — после особо удачного налета почти вся банда, вместе с главарями, собиралась сегодня «на хате». Одна из дач в пригороде, давно превращенная в место сбора бандитов, стала известна благодаря деятельности энергичного старлея.

Капитана уже, наверное, — Меркульев улыбнулся про себя. Вырос парень. Пора двигаться по службе. И Лункину тоже. Нужно будет рапорт подать на повышение после этой операции. Он оглянулся назад, наткнувшись на внимательные глаза враз замолчавших сотрудников. Волнуются. И это правильно.

— Как вы? — выдохнул застоявшийся воздух Меркульев.

— Нормально, товарищ майор! — ответил за всех Рахманов, опытным нутром почувствовавший изменение настроения начальства. — Скоро уже?

— Подъезжаем... — буркнул Меркульев. Он не очень любил эти моменты. Все уже обсудили, распланировали, а что-то еще нужно сказать одобряющее. Так он и не избавился от этой ненужной ответственности.

— Тарас Иванович, скоро? — переадресовал Меркульев вопрос водителю.

— Дык уже, Саныч. — Сержант взгляделся в ночь. — Вон тот поворот, потом еще две улицы и лесочек перед усадьбой...

— У леса останови, — приказал Меркульев.

— Есть! — подобрался Никоненко.

Сзади заворочались. Резко пахнуло мускусом. Меркульев поморщился — перед захватом волнение всегда в избытке. Главное, перебороть этот древний страх.

— Марат, связь с диспетчером! — жестким голосом ввел подчиненных в рабочее состояние майор. Он знал: люди боятся всегда, а в их деле — особенно. Человек без страха становился безрассуден, то есть безумен. Зато занятому делом человеку некогда подчиняться разрушающему чувству.

— Есть, товарищ майор! — Бывший прапорщик ВДВ Рахманов дотянулся до рации на центральной

панели, вытянул шнур микрофона. Под ревнивым взглядом Никанорова пошелкал тумблерами.

Майор отключился от бубнения подчиненного и, глядя в отсветы фар на боковом стекле, снова прокрутил план захвата.

Казалось, все было продумано. Банда в количестве восьми человек плюс Сашка в полном составе отмечала удачное завершение очередного преступления. Как старлею удалось добраться до телефона — бог весть. Но факт удачных совпадений налицо — вовремя переданная информация, понятливый прокурор и участливое начальство, которое неожиданно раскошело на царский подарок — для усиления группы Меркульева был выделен целый взвод учебной роты специального назначения!

Недавно созданное подразделение на базе полка имени Дзержинского внутренних войск МВД СССР готовилось к охране Олимпийских игр—80. Бравые ребята — все срочники-спортсмены. Меркульев лично знал комвзвода капитана Мальцева. Они не раз встречались с Володей на оперативках. Вот уж кто мастер своего дела...

Было бы интересно поработать с ними. Хотя Меркульев искренне считал, что для ареста этой шпаны хватило бы и его команды, усиленной в лучшем случае ребятами из ППС. Но что подделывать — спецназу тоже нужно тренироваться.

Майор искоса посмотрел на бледно освещенное лицо Рахманова, до сих пор безуспешно вызы-

вающего диспетчерскую. Жесткий мужик. Не даст слабину — в этом Меркульев был уверен на все сто процентов. И по силе — не слабее спецов. А уж в связке с Лункиным и Свиренко...

— Ну?

— Нет связи, Сан Саныч, — виновато пробурчал прапорщик.

— Тут — яма, — неожиданно для всех сообщил Свиренко. Он истово увлекался радиоделом, и к его мнению стоило прислушаться.

— Радиояма... недотягивает наша слабая станция. Нужно где-нибудь на пригорке встать...

Рахманов пожал плечами и вопросительно посмотрел на командира.

— Хорошо, — после некоторого раздумья ответил майор, — тот лесочек аккурат на горке, там и попробуем.

ГЛАВА 2

Боль была повсюду. Штиль дикой слабости перемежался ураганом пульсирующей рези. Воздух приходилось с трудом продавливать в легкие, что требовало осознанного решения, взамен подаренного Богом безусловного рефлекса.

И еще — воняло. Запах рвоты сводил с ума, заставляя тело извиваться в конвульсиях, раз за разом исторгая из себя отраву.

Борис последний раз изогнулся, со стоном впуская в себя морозный воздух. Окружающее пространство оглушающим ударом вернуло его в действительность. Боль и холод. Он с трудом открыл глаза. Повернул голову и попытался сфокусировать зрение.

Темнота, перемежаемая расплывчатыми огоньками. Он разогнул скрюченное в пароксизме боли тело и перекатился на спину. Стало легче, хотя при этом многочисленные копья тотчас вонзились в кожу спины.

Небо. Ночь. Луна. Боль и холод.

Разум наконец-то начал возвращаться в многострадальную голову. Вместе с тем пришло осознание бедственного положения.

Он лежал на колючем щебне откоса железнодорожной насыпи. Практически голый на весеннем морозе — хотя штаны, рубашку и носки грабители великодушно оставили, но пар изо рта недвусмысленно намекал на серьезную проблему. Ноги затекли и почти не ощущались.

Борис напрягся и, опираясь на непослушные руки, с трудом стал на четвереньки. Резко замутило. Он оглянулся.

Мерцающие в лунном свете ниточки рельс уходили влево и вправо, теряясь в дымчатой дали. На границе зрения, в просвете черных силуэтов деревьев, дразнило скопище светлых пятен. Москва. Место, куда Борису жизненно необходимо добраться. Неумолимый инстинкт диктовал свои условия — чтобы выжить, нужно было двигаться. Рефлексия откладывается на потом. Как и воспоминания.

Он собрал силы и с трудом встал на подкашивающиеся ноги. Резко закололо в подошвах. Слава богу, чувствительность не пропала, значит, есть шанс! Он еще раз осмотрелся. Требовалось хоть что-то, что могло его обогреть. Ничего. Только свист ветра и дикий холод.

Неподалеку, рядом с откосом, темнел какой-то массивный предмет. Зрение изредка ловило на его боках металлический отблеск. Не в силах противиться возникшему желанию и неуместной надежде, Борис поковылял по ледяным шпалам.

Небольшой металлический ящик с двумя тонкими тросиками, прикрепленными к рельсам, раз-

деленным стыком. Борис напряг память — холод и невыносимая боль в ступнях успешно стимулировали замерзающий разум.

Путевой ящик. Какая-то штука для связи на железной дороге — всплыли давно забытые знания из института. Связь! Сознание зацепилось за слово. Пришло решение: нарушив контакты, он привлечет к себе чье-нибудь внимание.

Борис осмотрел ящик, но кроме этих тросиков, закрепленных болтами на боковых сторонах рельса, ничего не было. Беспомощно оглянулся — ничего подходящего для взлома не видно. Инстинкт вновь подсказал решение. Он проковылял к краю насыпи и подобрал большой камень. С трудом донес и уронил его на ящик. С надеждой нагнулся посмотреть. Увы.

После бесконечных секунд отчаяния Бориса захлестнула неожиданная злость. Злость на весь этот несправедливый мир, на собственную глупость. Он поднял голову и отчаянно закричал в холодное пространство, но пар изо рта слоистым покрывалом перекрыл мерцание равнодушного небосвода.

Воспоминания о пережитом мгновенно и безжалостно заполнили его разум. Боже, какой он глупец!

Перед глазами всплыло рыжее лицо Митьки, и неожиданно изнутри, медленно, но неотвратимо проявилось странное смутное чувство. Борис на секунду замер — он до сих пор не знал, что способен испытывать его столь ярко. Ненависть.

Она неожиданно придала ему силы. Он схватил камень и принялся раз за разом опускать его на этот треклятый трос, остервенело вколачивая в металл свою глупость, свое высокомерие и самонадеянность.

Через несколько казавшихся бесконечными минут Борис без сил опустился на колени — ядовитое чувство ненависти высосало почти всю энергию. Сквозь слезы, не веря себе, он посмотрел на болтающийся обрубок троса. Он все же победил...

Теперь осталось дожидаться какой-нибудь реакции. Тело неумолимо сковывала немота, потянуло в сон. Он с трудом поднял голову. Расплывшееся сознание подсказало — пока можно прилечь рядом с ящиком, на этот мягкий пучок травы... Травы!

Собрав последние силы, обдирая о щебень в кровь колени, он дополз до края насыпи и скатился в густую стену сухостоя. Едва восстановив дыхание после ошеломительного падения, начал набирать полные пригоршни жестких стеблей и набивать ими рубашку и брюки. Было колко и противно, но стало ощутимо теплей. Наконец, набив травой носки, он перевел дух.

Спать захотелось еще сильнее, но тянущая боль в ступнях ослабла — сухая, пахнущая тленом и пылью трава, как и ожидалось, стала неплохим теплоизолятором. Мерзли голова, открытые части рук и ног, но, как надеялся Борис, жизненно важные органы он защитил.

Теперь нужно было дожить до помощи. Он пошевелил пальцами ног — боль ощущалась на грани восприятия. Плохо. Если он перестанет их чувствовать — конец.

С тоской прислушался, но в ответ только ветер и шелест голых веток, поющих свою тоскливую песню. В глаза кольнул далекий отсвет городских огней. Нужно идти, иначе смерть, Борис понимал это со всей ответственностью. Холод, даже такой слабый — ну, сколько там, минус два, три градуса неумолимо высосет из него жизнь.

Он с трудом поднялся на ноги — отравленный, ограбленный, обмороженный и такой нелепый в штанах, рубашке и носках, набитых сухой травой. Сделал первый шаг. Затем второй, третий...

Что заставляет нас жить? Простой вопрос, который вряд ли задает себе среднестатистический человек, который практически бессознательно балансирует между жизнью и смертью, крайне редко отвлекаясь на то, чтобы задуматься над этим простым фактом. «Человек закован в свое одиночество и приговорен к смерти», — великий Лев Николаевич с высоты своей мудрости знал, о чем говорил.

Смерть поджидает нас повсюду. С момента рождения, который сам по себе есть акт величайшей опасности, всю жизнь мы двигаемся по полю вероятности, где процент, позволяющий выжить, явно меньше многочисленных возможностей умереть. При этом мы лихорадочно стремимся сохра-

нить себя в вечности. Через дела, через детей. Суеетимся.

Но все это невозможно делать без воли. Есть воля — есть человек! Нет воли — нет человека!

Воля и жажда жизни заставляют нас сделать и первый крик, и первый шаг. Первый поступок и первое предательство — на это тоже нужна воля.

Борис, стиснув зубы и почти ничего не видя слезящимися глазами, делал шаг за шагом. Спасая не только свое тело, но и выковыывая в этой мучительной борьбе свой характер. Он боролся с холодом и безучастным пространством, с желанием лечь и уснуть. Именно воля, заложенная в нем, не позволяла ему сдаться. Воля, делающая сейчас из слюнтя мужчину.

Он шел, спотыкаясь на шпалах, упрямо опустив подбородок, не замечая приближающийся мутный огонек путевой дрезины. Он интуитивно знал — Бог спасает всех...

— ...Что же это делается-то? — Тихий, сварливо-скрипучий голос настойчиво тянул Бориса из топкой трясины. — Как же так можно-то, а? И-эх, люди, люди...

Истерзанное сознание отказывалось выползть из безопасного убежища, но голос был настолько назойлив, что сопротивляться ему не было сил. Против своей воли он прислушивался к монотонному потоку слов, произносимых явно пожилым человеком, привыкшим общаться с самим собой.

Тело наслаждалось восхитительным теплом, и Борис не спешил открывать глаза.

— Как же можно, раздетым, ночью по морозу-то, а? Совсем не думают люди. И еще казенное имущество портят.

Борис почувствовал щекочущий мясной запах и неожиданно для себя громко икнул.

Он открыл глаза и сонно заморгал. Взгляд сфокусировался на лице мужчины, с тревогой заглядывающего Борису в глаза. Сеточка морщин вокруг слегка выцветших карих глаз, седая клочковатая борода — он не был так стар, как казался по голосу. Лет пятьдесят пять, наверное... с хвостиком.

— Очнулся, паря? — неуверенно спросил мужчина. — А я тебе вот, бульон приготовил. Замерз ты...

Он поднял металлическую эмалированную кружку на уровень глаз Бориса. Тот сглотнул слюну и медленно огляделся.

Небольшая комната. Тусклая лампа под газетным абажуром тщетно силилась осветить темные углы. Раскаленная докрасна железная печка распространяла волны благодатного тепла. В углу — заваленный хламом письменный стол и кособокий шкаф. Все потрепанное, старое и неровное. Нужно признать — под стать гостеприимному хозяину.

Обоняние дразнил запах куриного бульона, который перебивал терпкий запах пыли, золы и давно не стиранной одежды.

Борис, закутанный до глаз в теплое ватное одеяло, лежал на низкой тахте, всей кожей ощущая ее бугристую поверхность.

— Ну? — настойчиво повторил хозяин, приподнявшись с деревянной табуретки. Кружка опасно накренилась в его руках.

— Очнулся, — прохрипел Борис, опасливо косясь на руки мужчины.

— Вот и хорошо! Пей! — Хозяин протянул ему кружку.

Борис выпростал одну руку — до слез не хотелось выбираться из этой уютной берлоги, — взялся за горячий сосуд и с восторгом вдохнул живительный аромат. Горячий комок провалился в горло, растапливая холод, казалось, навечно поселившийся в теле.

— Вот... — заботливо придерживая доньшко, довольно пробормотал хозяин, — пей давай. Курочка недаром под солнышком ходила, здоровья тебе накопила. А то, видишь, по морозу-то топтаться — не ровен час и отдашь богу душу... Ты чего, милоч, ночью, раздетый по железке-то шарился?

Он забрал пустую кружку из слабых рук Бориса и проницательно прищурился.

Борис понял — нужно говорить. И говорить только правду. Несмотря на свой простецкий вид, мужчина таил в себе какую-то загадку.

— Меня ограбили, — просто признался Борис.

После мгновенной паузы хозяин всплеснул руками, брызнув на стену остатками бульона.

ВОРОВСКОЙ ИЗЛОМ

— Ах, подонки! Совсем совесть потеряли. Это же надо было так над человеком измываться, изверги...

Он вскочил на ноги и принялся метаться в тесном промежутке между шкафом и обшитой облезлым дерматином входной дверью. Стала заметна сильная хромота мужчины.

— Как можно живого человека на мороз? Как? Это же верная смерть! Хорошо я на сигнал выехал — кто-то порвал путевой шлейф... А если бы чуть позже?

— А вы — кто? — Борис вставил вопрос и глубже зарылся в постель.

Мужчина резко остановился, пожевал губами. Затем быстрым движением вытер правую руку о штанину и протянул ее Борису.

— Муравьев. Виталий Савельевич. Дежурный по перегону, — церемонно произнес он.

Борис пожал шершавую ладонь.

— Самохин Борис Федорович. Строитель. — Борис неосознанно повторил чужую интонацию.

Они несколько секунд смотрели друг на друга, затем неожиданно для самих себя громко рассмеялись.

ГЛАВА 3

Дом был большой. Два этажа бревенчатого массива в окружении черных елочных силуэтов. Ярко освещенные окна первого этажа бросали четко очерченные квадраты на слегка подмерзшую землю. К дверям вела гостеприимная дорожка, проложенная через частокол невысоких кустов. Окруженный темными, по-зимнему пустыми дачными домиками, дом этот прорисовывался серой громадой на фоне подсвеченных бессонной Москвой облаков.

Насколько можно было судить в сумерках, все вокруг прямо-таки дышало ухоженностью и спокойствием. Пижонско-белые «Жигули», поблескивая чистыми стеклами, добавляли этому месту респектабельности.

Свежий ветерок изредка доносил из дома звон посуды, громкие голоса, обрывки музыки и аппетитный запах жареного мяса. В доме явно веселились под шашлычок.

Меркульев поворочался на жестком пеньке. Битый час они сидели за невысоким штакетником, наблюдали за домом и не делали ровным счетом ничего.

Пятеро крепких мужчин в милицейской форме, вооруженные табельным ПМ, умеющие в одиночку справиться с парой-другой нарушителей.

Бездействие утомляло.

Лункин хрустнул костяшками пальцев, зябко повел плечами — апрельская ночь напоминала о недавней зиме. Майор неодобрительно покосился на него, но ничего не сказал. У него самого затекли ноги, он периодически вытягивал их, ловя отблеск оконного света на складках своих юфтевых сапог.

Свиренко, привалившись к забору темной глыбой, мерно сопел. Может, даже и спал — с него станется.

Вдруг в кустах зашуршало. Все одновременно настороженно повернулись на звук.

Влажные ветки, роняя на землю бриллианты замерзших капель, раздвинулись, и показалось виноватое лицо Никоненко.

— Тут такое, товарищ майор, достучался я до диспетчерской... — Он пожевал ус и замолчал.

— Ну? — не выдержал Меркульев.

— Не будет робят, отменили им выезд.

— Твою мать... — сплюнул майор, — что так?

Сержант пожал плечами.

— Дежурный грит, сняли их на задержание...

— А у нас что? Танцы? — Меркульев в сердцах стукнул кулаком по ладони.

Никоненко еще раз пожал плечами.

— Дежурный грит, отправит нам в помощь наряд ГАИ, только часа через два...

Майор вздохнул. Блин, а так все хорошо начиналось. Что же теперь делать-то? Сашка там, ждет оговоренного сигнала, а они тут топчутся... Но впятером на восьмерых матерых грабителей — расклад явно не в их пользу.

— А где Рахманов? — сердито спросил он ни в чем не повинного сержанта.

— Сказал — пошел в разведку по округе.

Что же, это похоже на бывалого вояку — Марат никогда не оставлял в тылу неразведанное пространство.

Меркульев задумался. Поднял голову.

— Иваныч, где мы сейчас, напомни?

— Красногорский район, Сан Саныч, — сержант пристально посмотрел на майора, — Архангельский поселок... Вон Юсупка справа...

— Так, — задумался вслух майор, — кто тут начальником опорного пункта... Ага, Огородников. Короче, нужно участковых поднимать и дружинников...

Он привстал и оглядел дом.

— Так. Игорь! Буди Свиренко и глаз не сводите с дома, если что, берите главных, Сашка подскажет. Марат вернется — будет с вами. Тарас Иванович — к рации, ГАИ вызывай, пригодятся. Я к автомату — звоню начальству, Лентищева будить буду... Думаю, Василий Михайлович поможет.

Бездействие закончилось. Лункин подобрался, толкнул ногой Свиренко. Тот было заворчал, но, быстро сориентировавшись в ситуации, присел

на корточки. Блеснула сталь пистолета — оказывается, гигант все это время держал его в руках.

Меркульев изумленно покачал головой, но ничего не сказал. Вряд ли тут понадобится оружие — не того полета птички праздновали в доме свою удачу. Но, черт возьми, он доверял своему бойцу. И ценил его проницательность...

Телефонная будка оказалась там, где и указывал Никоненко, живой атлас Московской области, — через улицу. Единственное место в поселке, освещенное дежурным фонарем на стене административного здания. В сумраке пустого перекрестка виднелась небольшая аллея со светящимся отраженным светом бюстом неизменного Ленина, да следили за майором лица передовиков с доски почета.

Две копейки совершили свою привычную работу, и разбуженный и от того не слишком любезный начальник уголовного розыска ГУВД Московской области выслушал доклад о затруднениях майора.

Приз в виде семи матерых грабителей смягчил недовольство начальства, и Меркульев получил обещание привлечь к операции силы районной администрации.

Довольный, он продрался сквозь чьи-то насаждения — времени не было соблюдать особую щепетильность — и тихо подобрался к своему «штабу».

Вся команда была в сборе. Лункин затаился у самой калитки, знаком показав себе за спину.

Это означало одно — Свиренко прикрывал ему тыл. Никоненко сидел на корточках возле заваленного прясла и напряженно всматривался в сторону дома. Рахманов сидел на командирском пенъке и одной рукой прижимал к земле извивающегося человека...

Майор тихо выругался:

— Рахманов, кто это?!

— Болтался тут, — тихо ответил старшина, — с ножом. Все рвался какого-то обидчика покарать...

— Из этих? — Меркульев кивнул на дом, где гуляли грабители.

Человек замычал и начал извиваться еще сильнее. Меркульев знал — с Маратом на задержании шутки плохи. Внутренне добрый, когда надо, он превращался в машину.

— Не знаю. Не похож вроде...

Меркульев пожал плечами: еще одна забота. Ладно, потом разберемся.

— Группа будет через двадцать минут. Иваныч, что с гаишниками?

— Едут... — не поворачивая головы, спокойно ответил водитель.

— Ясно. Огородников своих поднимает. Будут еще дружинники. Давайте, ребята, на связь. — Он махнул Лункину: — Тарас Иванович, ты на себя ГАИ бери — пусть перекроют выезды из поселка. Марат, группу захвата выставь как надо.

Рахманов кивнул.

Подкрался Лункин.

— Игорь, ты со Свиренко расставь оцепление из ДНД... Все, ждем! — Майор хлопнул себя по коленке — вспомнил: — Этого — в «уазик»! Свиренко, отведи.

Старшина не мудрствуя лукаво взвалил на себя задержанного и потопал через кусты. Меркульев вздохнул и поплелся следом.

У машины Свиренко поставил свою ношу на ноги и прислонил к кузову. Майор подошел ближе и пристально заглянул в лицо парню. Лицо как лицо — молоденький, лет двадцати пяти, хорошо одет. Сердитый очень. Оно и понятно — кляп во рту.

— Молчать будешь?

Майор дождался утвердительного кивка и медленно потянул обслонявленную тряпку, стараясь не задумываться, где ее взял Рахманов.

— Блин, вы че?! — бросил в лицо Меркульеву парень.

Майор успокаивающе похлопал его по плечу:

— Ты кто, паря? Откуда здесь?

Молодой человек покрутил головой, подергал связанными руками.

— Развяжите!

Милиционеры переглянулись.

— Да свой он, — ответил на повисший в воздухе вопрос Свиренко, — глаза не подлые...

Майор удивился такому наблюдению, но ничего не ответил, только кивнул в ответ. Гигант

легко развернул парня, несколько секунд копался за его спиной, потом удовлетворенно выпрямился, держа на вытянутой руке какую-то длинную тряпку.

— О, то ж, — пробасил он удовлетворенно, — Марат шарфом перевязал... Будет теперь у меня за него танцевать...

Свиренко бережно свернул его и затолкал в карман шинели. Майор мимолетно переглянулся с парнем. Тот, казалось, все понял — в этом мелком эпизоде проявилась вся глубина товарищеских отношений в команде.

— Ну, давай, рассказывай, — поторопил его Меркульев, — имя, что ты тут делаешь с ножом, ну и все остальное.

Он уже дал внутреннюю оценку молодому человеку. Сильная личность: это видно и по упертой уверенности, и по тому, что не расклеился после «радушного» обхождения с ним Рахманова.

— Самохин Борис... — Парень начал снова возбуждаться: — Эти твари меня ограбили! Бросили в мороз на шпалы! Скоты! Но я их выследил — тут они! Помогите их поймать, товарищ майор!

— Тихо, тихо, — урезонил его Меркульев, — а с ножом-то зачем? Убить кого хочешь?

Парень осекся, тихо проговорил:

— Я... это... так, для острастки...

— Для острастки, говоришь? — вкрадчиво спросил милиционер. — Статья двести восемнадцатая УК РСФСР, от трех до пяти...

ВОРОВСКОЙ ИЗЛОМ

Парень совсем сник. Майор потрепал его по крепкому плечу.

— Ладно... разберемся потом... Борис. Что умеешь? Чем занимаешься? Где служил?

— Погранвойска, Пянджский погранотряд. Самбо... плавание, — глядя на Меркульева исподлобья, предельно четко ответил Борис. — Работаю на стройке, в ДНД хожу.

— О! Это хорошо. Комсомолец?

— Кандидат в партию, товарищ майор!

Меркульев внимательней взгляделся в честное лицо парня. В голове романтическая каша — тот еще Зорро, но ведь нашел, выследил своих обидчиков. Значит, есть жилка поисковая. Да и в силе воли не откажешь — вон как глаза горят. Решился.

— Отлично. Пойдешь в оцепление как дружинник... со Свиренко... Поможешь ему, только смотри мне — без выкрутасов! — Майор выдохнул: с одной заботой разобрались. — Олег, в твое распоряжение. Идите!

Две фигуры развернулись и исчезли в сумраке.

В ту же секунду из окна высунулся Никоненко:

— Товарищ майор! ГАИ перекрыла въезды, ждут распоряжений. Дежурный отрапортовал — группа захвата на подъезде. И это... местные просят подойти к поссовету — там участковые собрались...

— Молодец Огородников! Тарас Иванович, передай всем: пусть ждут моего сигнала. Сам оставайся на связи, ты — наш главный диспетчер!

— Есть!

ГЛАВА 4

Сковорода уютно скворчала на газовой плите, рассказывая всем о своем содержимом, аромат которого сводил с ума. Божественная пища — яичница с салом.

Женские руки порхали над столом, создавая волшебство домашнего уюта. Борис сидел, прислонившись к стене, и медленно погружался в состояние абсолютного комфорта. Теплый душ, горячий чай и приближающийся ужин позволяли хоть ненадолго отвлечься от перипетий прошедших суток. Он — дома.

— ...А мы вообще все — в панике! Я к маме побежала, она не в курсе. Ночь же! Папа в командировке. В милицию позвонили, нам говорят — через сутки заявление примем. Караул. — Ленка остановилась, прижала руки к груди. — Борька, понимаешь, я очень испугалась...

Борис протянул руки и привлек к себе ее мягкое тело. Ленка тотчас плюхнулась ему на колени — их маленькая кухонька благоприветствовала тесным контактам. Он снизу вверх заглянул в ее испуганные глаза. Ленка... Зарылся в теплые складки халата.

Девушка нежно провела рукой по его голове.

— Дурачок ты мой...

Борис вдохнул родной запах и блаженно закрыл глаза.

Сидя в только что благоустроенной кухоньке их новой квартиры, среди новостроек микрорайона Бибирево, легко было поверить, что эти события произошли не с ним. Что эта жуткая история написана каким-то мрачным писателем.

Здесь этого просто не могло быть. Здесь были светлые люди, здесь была полезная и интересная работа, здесь был мир. Тот мир, который радует человека, зовет его в будущее...

Страна готовилась к встрече Олимпиады-80, ЦСКА стал чемпионом, а СССР и США начали договариваться об ограничении ядерного оружия. Мир жил.

И еще, самое главное, здесь была его любовь.

Ленка всполошилась, спрыгнула с колен и с причитаниями сняла сковороду с огня. Борис улыбнулся ей вслед. Хозяйюшка... Взгляд упал на обветренные и оцарапанные руки, и память тотчас, услужливо и неотвратно, прокрутила всю эту мучительную историю заново.

— ...Люди патологически жестоки. Убивать и мучить — это зашито в их коде. Вот я — маленький человек, я боюсь войны. Я так ее боюсь... а ведь я воевал, Борис... и я знаю, что это такое — человеческая жестокость...

Борис плавал в призрачном бульоне бессознания. Тело, спеленатое коконом одеяла, погруженное в теплую и безопасную утробу, не давало разуму шансов на проявление. Бормотание Муравьева доносилось до него словно через толстый слой ваты, почти не оставляя после себя следов.

— ...Я ведь Берлин брал, Боря... Против нас вышел гитлерюгенд. Дети... совсем мальцы. В больших шинелях, со штурмовыми винтовками и гранатами в руках... Они бросались под танки, стреляли нам в спину. И тогда я увидел, как озверели наши солдаты, Боря. Стальные люди, прошедшие половину Европы, выжившие в страшных боях и потерявшие родных и близких, они до конца держались, жалели этих детей... Но они не жалели нас. Накачаные до макушки ненавистью, они стреляли в упор... В опустивших оружие солдат. И тогда что-то приключилось с людьми. Я видел, как наш комвзвода, добрейшей души человек, Опанас Стоценко, штыком проколол двух подростков, раз за разом вонзая его в уже мертвые тела... Он тоже перестал быть человеком, Боря... Война отнимает разум... у всех...

Борис наконец уснул. Ему снился странный вокзал, наполненный разнообразным людом. В тесноте стояли и страшно молчали советские солдаты, подростки в немецкой форме, легионеры Рима, кочевники в островерхих шапках, индейцы Северной Америки и русские воины Александра Невского.

Вся эта разнообразная толпа пристально смотрела на Бориса, который барахтался в многочисленных простынях, обвивавших его тело. Вдруг в полнейшей тишине возник слабый звук — тонкий звон колокольчика. Такой беззащитный и нелепый в этой плотной и агрессивной тишине.

В многоголовом и многоглазом монолите возникла трещина. Люди, оглядываясь и опуская головы, расступались, пропуская кого-то, приближающегося из дальнего конца зала.

Борис перестал трепыхаться и напряг зрение. К звону колокольчика присоединилось цоканье копыт — по образовавшемуся проходу к нему приближался всадник. Усталый серый ослик нес средних лет мужчину, одетого в балахон.

Борис с изумлением рассматривал гостя. Короткая густая черная борода закрывала пол-лица, открывая неожиданно пронзительные карие глаза. Смуглая кожа лица, обветренных рук и тощих щиколоток, торчащих из-под балахона, резко оттенялась белоснежным сиянием ткани.

Ослик без видимого указания всадника остановился, не доходя до Бориса считанных шагов, и со вздохом опустил голову. Человек требовательно и сурово, но так же молча смотрел в глаза Борису. А тот не мог отвести взгляд от кровавых отметин на кистях и стопах человека.

Осознание приходило медленно, так же как он поднимал свои глаза. Это же...

— ...Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, грешных...

Солнечный свет заливал неказистое жилище дежурного, очищая в своем животворящем потоке окружающую нищету, высвечивая только то, что казалось сейчас важным и простым, — он был жив.

Борис приоткрыл глаза. Муравьев, крестясь и бормоча слова молитвы, кланялся сияющей иконе. И было это так естественно и привычно, будило такие глубокие струны в его русской душе, что у Бориса перехватило дыхание.

Потом он будет доставать это ощущение из кладовых своей комсомольской памяти, нежно сдувать с него пыль и немного стыдливо вспоминать это трепетное чувство. Но это потом, а пока — покой и понимание проникали в его душу...

Горячий сладкий чай из коробочки с тремя слонами разогнал слабость. А беседа со странным дежурным, спасшим его от почти неминуемой инвалидности, а то и смерти, наполнила душу смятением. Никогда до этого не встречавшийся с этой стороной жизни, Борис с упоением слушал истории о войне, в корне отличающиеся от лощеных статей в «Комсомольской правде». Удивлялся рассудительности этого человека, его знанию подноготной международных отношений. Бывшего солдата, учителя и отца.

— Ох-хо-хо, Борис... Я ведь понимаю, что мои шансы выжить в этой мясорубке минимальные — либо мгновенная смерть, либо еще какой-то период

мучений, но в любом случае — смерть. Не от войны, так от тягот эвакуации, холода, недоедания, отсутствия медикаментов. Я ведь готов защищать свою страну, только прекрасно понимаю, что толку от меня будет маловато. Стар уже... А американцам мир не нужен, хоть Картер и говорит о разрядке. Глупости это, они не успокоятся, пока не оставят от всего мира обугленные головешки и миллионы мертвых тел... Россия всегда несла и будет нести страшный крест, от которого так просто не отделаешься. А я — маленький трусливый человек...

Потом была прощальная поездка на дрезине до товарной станции и долгий пеший переход по путанице железнодорожных путей в подаренных Муравьевым сапогах и пальто.

Стеклянная громада Курского вокзала под знаменитой ребристой крышей встретила молодого человека многоголосым шумом нескончаемого потока людей. Огромная площадь перед зданием была до отказа забита разноцветным стадом автомобилей и автобусов, между которых сновали пассажиры с баулами и чемоданами.

Полуденное солнце прогрело московский апрельский воздух, чириканье птиц встречало приход весны оглушающим гимном.

Борис угрюмо, не обращая внимания на тычки и окрики спешащих пассажиров, прорвался внутрь здания. Нашел указатель «Милиция» и пошлепал растоптанными резиновыми сапогами в нужную сторону.

Румяный молодой сержант, привстав из-за невысокой стойки, изумленно оглядел его нелепый наряд.

— Ограбили, говоришь... И документы, и одежду? — Он откинулся на заскрипевший стул. Потом неожиданно заорал в сторону:

— Семеныч! Выдь на минутку!

Из боковой двери появилось широкое рябое лицо.

— Че тут? — недовольно пробурчал милиционер, вытирая ладошкой мокрые губы под длинными усами.

— Ты смотри, Семеныч, что делается — алкаши уже совсем совесть потеряли! Прутся прямо в милицию, — издевательски объяснял сержант. — Заявление, говорит, буду писать... ограбили, мол...

— Я не алкаш... — попробовал оправдаться сбитый с толку Борис.

Семеныч сфокусировал на нем плавающий взгляд. Немного подумал и презрительно бросил, закрывая дверь:

— Бери его в обезьянник — пусть проспится...

В наступившей тишине стал слышен вокзальный шум за окном и тиканье круглых часов на стене. Борис обескураженно посмотрел на сержанта. Тот пожал плечами и, гадко улыбаясь, начал привставать.

— Начальство сказала — в КПЗ... Давай, милоч, добром пойдём...

Борис вскочил с места, уронив кособокий стул: